

ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ ПРЕСТУПНОСТИ

А.В. Иванчин*

СОСТАВ ПРЕСТУПЛЕНИЯ КАК ВОПЛОЩЕНИЕ ПРИЗНАКА УГОЛОВНОЙ ПРОТИВОПРАВНОСТИ

Ключевые слова. Состав преступления, противоправность, общественная опасность, малозначительность.

Излишне доказывать то очевидное положение, что правильное понимание состава преступления принципиально важно для изучения, применения и совершенствования уголовного права. Это прописная истина отечественной доктрины. Не случайно открытие состава в уголовно-правовой науке сравнивается с созданием в химии таблицы Менделеева¹. На этом фоне, однако, можно слышать критические высказывания в адрес этого понятия. Так, А.П. Козлов пишет, что «состав преступления – абсолютно неопределенная теоретически надуманная категория»². Он полагает, что многие ученые пытаются придать ему «вселенское значение», а в действительности это «пустота», «условность»³. Считая эту критику неприемлемой, отметим, что сам факт ее появления от пусть и категоричного в суждениях, но вместе с тем глубоко мыслящего исследователя, – негативный симптом, сам по себе заслуживающий осмысления и оценки. Нам представляется, что это симптом застоя в разработке общих вопросов состава преступления. Сегодня, как и прежде, выходят книги о составе преступления, но, в общем и целом, эти книги являются пересказом основных положений, выдвинутых еще А.Н. Трайниным, а затем его последователями в 60–80-х годах прошлого века. При этом в ряде изданий,

© Иванчин А.В., 2012.

* Кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права и криминологии Ярославского государственного университета им. П.Г. Демидова. [ivanchin@uniyar.ac.ru]

¹ См.: Кругликов Л.Л. Этапы становления учения о составе преступления // Уголовное право: стратегия развития в XXI веке: материалы 5-й Международной научно-практической конференции 24–25 января 2008 г. М., 2008. С. 126.

² Козлов А.П. Понятие преступления. СПб., 2004. С. 169.

³ Там же. С. 169.

посвященных составу преступления, учение собственно о составе (его понятии, соотношению с родственными категориями, структуре, видах и т.п.) уместается на 15–20 страницах, а затем следует характеристика элементов состава: объекта, объективной стороны, субъекта и субъективной стороны⁴. Даже в Энциклопедии уголовного права львиная доля книги о составе преступления (том 4) представляет собой освещение элементов состава: его объекта, объективной стороны, субъекта и субъективной стороны⁵. Ясно, что подробный анализ этих элементов выходит за рамки учения о составе и является уделом иных разделов уголовно-правовой доктрины. Появляются, правда, отдельные попытки «расшевелить» это догматичное и застывшее состояние, в котором оказалась разработка состава преступления⁶, но в целом картина не меняется.

Этими обстоятельствами и продиктовано написание настоящей статьи. Сразу же отметим, что проблема, поставленная в ней, связана с дискуссионным вопросом соотношения состава преступления и преступления. Споры на эту архиважную тему не утихают по сей день⁷. Наша позиция по этому вопросу четко и ясно сформулирована в заголовке настоящей статьи: состав преступления есть воплощение признака уголовной противоправности. Приведем свои аргументы в ее обоснование.

Предваряя основные рассуждения, заметим, что много путаницы вызывают попытки соотносить несоотносимые понятия. М.П. Карпушин и В.И. Курляндский правильно, на наш взгляд, отмечают, что «правомерно проводить сравнение в одной плоскости», например, состав преступления сопоставлять с преступлением, состав определенного преступления – с определенным преступлением⁸. То есть процесс соотношения искомых понятий должен быть корректным в научном

⁴ См., в частности: *Агаев И.Б.* Состав преступления: понятие, элементы, значение: учеб. пособие. М., 2008. 335 с.; *Пудовочкин Ю.Е.* Учение о составе преступления: учеб. пособие. М., 2009. 248 с.

⁵ См.: Энциклопедия уголовного права. Т. 4. Состав преступления / отв. ред. В.Б. Малягин. СПб., 2005. 797 с. (собственно состав преступления освещается на с. 3–86).

⁶ См., напр.: *Гонтарь И.Я.* Преступление и состав преступления как явления и понятия в уголовном праве (логико-методологические аспекты): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Владивосток, 1997; Он же. Концепция состава преступления в российском уголовном праве: сложившееся понимание и перспектива дальнейшего развития // Правоведение. 2008. № 3. С. 41–51.

⁷ См., напр.: *Лопашенко Н.А.* Соотношение преступления и состава преступления // Уголовное право: стратегия развития в XXI веке: материалы 4-й Международной научно-практической конференции. М., 2007. С. 128–134; *Ворошилин Е.В.* Еще раз к вопросу о соотношении состава преступления и преступления // Уголовное право: стратегия развития в XXI веке: материалы 5-й Международной научно-практической конференции 24–25 января 2008 г. М., 2008. С. 157–159. Об интересующей нас полемике как этапе в эволюции состава преступления см. также: *Кругликов Л.Л.* Этапы становления учения о составе преступления // Там же. С. 122–127.

⁸ *Карпушин М.П., Курляндский В.И.* Уголовная ответственность и состав преступления. М., 1974. С. 19.

смысле: соотносить необходимо одноуровневые понятия. В частности, логично сравнивать понятие состава преступления и понятие этого же преступления (например, состав доведения до самоубийства и понятие доведения до самоубийства).

На этом уровне мы сразу же убедимся, что традиционные рецепты решения проблемы не работают: дескать, «преступление – это явление реальной жизни, а состав преступления – юридическое представление законодателя о конкретном реально существующем явлении – преступлении»⁹; «понятием преступления характеризуется реальное явление, а состав преступления выступает как юридическое понятие об этом явлении»¹⁰. Понятие какого-либо преступления – это явно не реальное жизненное явление, а понятие о нем, в котором преступление отражено, так же как и в составе, в своих типичных и существенных признаках. Поэтому и Н.А. Лопашенко не решает, как представляется, рассматриваемую проблему, указывая, что преступление и его состав различаются, среди прочего, по природе: «Состав – законодательная конструкция, преступление – реальность, находящаяся в социальной жизни общества, хотя и несущее на себе отпечаток воли законодателя, признающего преступление преступлением»¹¹. Если соотнести понятие об этом преступлении с понятием его же состава, то решение проблемы с очевидностью будет иным.

Поэтому, наметив указанную отправную точку, следует перейти на уровень соотнесения признаков искомых понятий (т.е. проводить сравнение на понятийном уровне). В.Н. Кудрявцев, позиция которого поддержана многими отечественными криминалистами, следующим образом решает поставленный вопрос: «Признаки, характеризующие какой-либо состав преступления, в равной мере входят и в понятие об этом преступлении... В составе преступления признаки перечислены в некоторой жесткой последовательности, они сгруппированы, привязаны к определенным элементам преступления, а для понятия преступления это отнюдь не характерно. Иными словами, состав и понятие преступления различаются по их внутренней структуре, по степени упорядоченности одних и тех же признаков»¹². Однако структурированность признаков (с позиции логики, действительно, присущая составу преступления, но не характерная для понятия этого же преступления) – как представляется, не главный отличительный признак соотносимых понятий.

⁹ Учение о составе преступления в уголовном праве России и Китая: сравнительно-правовое исследование / под ред. В.С. Комисарова, А.И. Коробеева, Хе Бинсуна. СПб., 2009. С. 57.

¹⁰ Российское уголовное право. В 2 т. Т. 1. Общая часть / под ред. А.И. Рапога. М., 2004. С. 88.

¹¹ Лопашенко Н.А. Соотношение преступления и состава преступления // Уголовное право: стратегия развития в XXI веке: материалы 4-й Международной научно-практической конференции. М., 2007. С. 133.

¹² Кудрявцев В.Н. Общая теория квалификации преступлений. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2001. С. 59.

Понятие любого преступления (видовое понятие), естественно, включает и признаки родового понятия. Родовое понятие закреплено в ч. 1 ст. 14 УК. Можно спорить об удачности включения в набор признаков преступления виновности и наказуемости (так, виновность, как представляется, является частью запрещенности), но в любом случае непреложными останутся два фундаментальных свойства преступления – его общественная опасность и запрещенность уголовным законом (уголовная противоправность, предусмотренность уголовным законом, «формальный» признак преступления). И вот именно в соотношении состава с этими признаками состоит, на наш взгляд, вся «соль» рассматриваемой проблемы.

Под общественной опасностью понимается причинение деянием существенного вреда общественным отношениям либо создание опасности причинения такого (существенного) вреда. Господствующий до сих пор взгляд на соотношение состава преступления и общественной опасности был сформулирован еще А.Н. Трайниным. Приведем ряд характерных цитат из его фундаментального труда «Общее учение о составе преступления»: «... Лишь общественно опасное действие может образовать состав преступления... Доказательство наличия в действиях лица всех элементов предусмотренного законом состава преступления есть тем самым и доказательство общественной опасности этих действий»¹³. Иными словами, общественная опасность, как считал А.Н. Трайнин, содержится в составе преступления, рассредоточена по его элементам. В.Н. Кудрявцев занял аналогичную позицию: «Общественная опасность... является неотъемлемой чертой состава»¹⁴. Н.Ф. Кузнецова также указывала, что общественная опасность охватывается составом преступления, хотя и – конкретизирует она – его объективной стороной¹⁵. «В структуре каждого конкретного состава преступления отражаются такие признаки преступления, закрепленные в ст. 14 УК РФ, как общественная опасность и противоправность»¹⁶, – отмечает и О.Ф. Шишовым. Аналогичную по существу позицию занимают В.С. Прохоров и Н.И. Мацнев, которые пишут: «Понятие преступления, содержащееся в ч. 1 ст. 14 УК, и конкретный состав преступления, предусмотренный нормой Особенной части, соотносятся между собой как общее и частное»¹⁷.

¹³ Трайнин А.Н. Избранные труды / составление, вступ. статья Н.Ф. Кузнецовой. СПб., 2004. С. 30, 32.

¹⁴ Кудрявцев В.Н. Теоретические основы квалификации преступлений. М., 1963. С. 88.

¹⁵ См.: Курс уголовного права. Общая часть. Т. 1: Учение о преступлении / под ред. Н.Ф. Кузнецовой, И.М. Тяжковой. М., 1999. С. 180.

¹⁶ Уголовное право России. Общая часть: учебник. 2-е изд., испр. и доп. / под ред. В.П. Ревина. М., 2009. С. 154 (автор главы – О.Ф. Шишов).

¹⁷ Уголовное право России: Общая часть / под ред. Н.М. Кропачева, Б.В. Волженкина, В.В. Орехова. СПб., 2006. С. 368 (авторы главы о составе – В.С. Прохоров, Н.И. Мацнев).

Действительно, если сравнение проводить на одном уровне, т.е. уровне определенного преступления (например, простого убийства), то получается, что понятие этого преступления, включающее общие его признаки (общественную опасность и т.д.), и понятие его состава совпадают. При таком подходе состав преступления с точки зрения логики охватывает и общественную опасность. Однако в доктрине встречаются и противоположные суждения – о том, что состав преступления не обладает общественной опасностью¹⁸. Этот правильный, на наш взгляд, подход требует развития. Анализ категорий «общественная опасность» и «противоправность» (запрещенность) вкпе с ретроспективным изучением состава преступления, его природы и функционального назначения, привел нас к выводу о том, что *общественная опасность находится за рамками состава преступления, а последний есть воплощение «формального» признака преступления.*

Здесь, правда, следует специально оговорить, что мы понимаем под «формальным» признаком преступления. Сегодня этот признак в ч. 1 ст. 14 УК РФ сформулирован как «запрещенность» деяния уголовным законом. Мы согласны с такой его редакцией, поскольку преступления не только предусматриваются, но и запрещаются уголовным законом. Запрет (активного и пассивного поведения; последний суть юридическая обязанность, например в ст. 125 УК) хотя прямо и не выражен в тексте Особенной части УК, но подразумевается в ней и прямо закреплен как признак преступления в его определении. Однако отсутствие прямого указания на запрет в Особенной части УК дает повод современным последователям немецкого ученого К. Биндинга утверждать, что УК РФ не запрещает совершение преступлений¹⁹. Отметим, что сегодня позиция сторонников запрета в уголовном праве значительно укреплена в силу указания на запрещенность в самом тексте УК – ч. 1 ст. 14 УК. Но, к сожалению, законодатель не в полной мере последователен. Указав в ст. 14, что преступление – это запрещенное деяние, он должен был этот самый запрет выразить в иных предписаниях УК. Смысла делать это в Особенной части нет, так как приведет к лексической избыточности текста закона, его перегрузке. Тем более что запрет в Особенной части УК подразумевается. Поэтому логично, на наш взгляд, было поместить указание на запрет в статью о задачах УК РФ (ст. 2), отметив, что для осуществления стоящих перед ним задач Кодекс не только определяет круг преступлений, но и запрещает их совершение.

Итак, установление признаков состава преступления означает, по нашему мнению, что содеянное лишь запрещено уголовным законом, но еще ничего не говорит об опасности содеянного. Соотнесение деяния с составом и

¹⁸ См.: *Благов Е.В.* Применение уголовного права (теория и практика). СПб., 2004. С. 27.

¹⁹ См., напр.: *Новоселов Г.П.* Учение об объекте преступления. Методологические аспекты. М., 2001. С. 176.

установление в результате соответствия между ними является лишь основанием для предположения об общественной опасности содеянного. Однако это предположение в конкретном случае может быть опровергнуто, что явствует из содержания ч. 2 ст. 14 УК (нормы о малозначительности). Следовательно, для констатации преступления необходимо сначала установить в содеянном признаки состава преступления (запрещенность законом), а затем – общественную опасность (т.е. проверить, не является ли оно малозначительным).

Кстати, деяние, совершенное при обстоятельствах, исключающих его преступность (глава 8 УК РФ), так же как, например, добровольный отказ от преступления, свидетельствуют, по нашему мнению, об отсутствии в содеянном признака запрещенности, поскольку в таких деяниях отсутствует состав преступления. Дело в том, что состав включает в себя признаки преступлений, указанные в Общей части УК. Обстоятельства, влекущие признание деяния непроступным, выступают негативным, исключительным признаком состава, ограничивая действие признаков, указанных в диспозиции статьи Особенной части УК.

Норма же о малозначительности (ч. 2 ст. 14 УК) имеет иную природу, нежели обстоятельства, исключающие преступность деяния. Во-первых, это подчеркнул сам законодатель, расположив ее в статье, посвященной определению преступления, а не в главе 8 УК. Во-вторых, в ч. 2 ст. 14 прямо указывается, что деяние содержит признаки, предусмотренные УК, т.е. это деяние запрещено УК. Мыслимо возражение, что закон запрещает лишь преступления. Но с таким возможным возражением трудно согласиться, так как в ч. 1 ст. 14 УК общественная опасность и запрещенность выделены как два самостоятельных признака в понятии преступления. С позиции логики это означает, что некоторые деяния могут запрещаться, но не обладают общественной опасностью, а потому не являются преступлениями. Первый (если не единственный) претендент на отнесение к кругу запрещенных, но не опасных актов поведения – это, вне всякого сомнения, малозначительное деяние. Добавим также, что включение малозначительности в состав преступления как негативного признака преступления приведет нас к парадоксальным выводам: например о том, что все составы преступлений сконструированы по типу материальных составов и составов создания опасности. Ведь малозначительность означает отсутствие общественной опасности. Поэтому если деяние не является малозначительным, оно общественно опасно, а следовательно, либо причиняет существенный вред, либо создает опасность его причинения. Отсюда через норму о малозначительности, которая якобы входит в состав преступления, мы вынуждены будем отказаться от выделения формальных, в том числе усеченных, составов, с чем не согласимся не только мы, но и, убеждены, абсолютное большинство ученых.

Вернемся, однако, к нашему тезису о том, что состав есть воплощение признака запрещенности (уголовной противоправности), а общественная опасность лежит за его рамками. Против этого тезиса может быть выдвиг-

нут еще один – этимологический – контраргумент. Речь ведь идет о составе *преступления*. Буквально получается, что этот состав может наличествовать лишь в преступлении, а значит, в общественно опасном деянии. Но, представляется, что смысловая нагрузка термина «состав преступления» нас не должна смущать. Данный чисто этимологический момент как раз и запутывает суть дела. Термин «состав преступления», как и многие другие, условен. В момент своего появления (в Средневековье) он выступал процессуальной категорией, затем стал обозначать признаки преступления (по существу, слившись воедино с понятием преступления), но с тех пор его смысл претерпел дальнейшую эволюцию. Сегодня есть веские основания утверждать, что под составом преступления должен пониматься набор признаков, соответствие которым свидетельствует о предусмотренности содеянного уголовным законом, но не обязательно о его опасности.

Основное функциональное назначение состава преступления – это обоснование уголовной ответственности, в частности, путем его применения как базового инструмента в процессе квалификации деяния. В юриспруденции трудно переоценить значение формы. Состав преступления как раз и выступает той формой (системой признаков преступления – его нормативной моделью, законодательной конструкцией и т.п.), с которой удобно и легко работать правоприменителю (впрочем, ученому и законодателю тоже). Но за формой (составом) скрывается содержание, выяснение которого хотя и вторично для признания деяния преступлением, но также обязательно. Формальным же признаком преступления как раз и выступает его уголовная противоправность. Следовательно, в понятии любого преступления его состав (как форма) соответствует признаку уголовной противоправности, является его воплощением. В этом и состоит, по нашему мнению, главный разграничительный признак понятия преступления и понятия состава преступления – нахождение за рамками последнего признака общественной опасности и его привязка только к предусмотренности уголовным законом (запрещенности).

Нельзя при этом не заметить, что в состав преступления включаются те же самые признаки, что образуют и уголовную противоправность этого преступления (т.е. описаны в Общей и Особенной частях УК). Данный факт, казалось бы, должен говорить о тождестве состава преступления и понятия запрещенности этого преступления. Но это, на наш взгляд, не так. Несмотря на идентичный набор признаков, между ними есть разница. В содержании понятия, как известно из логики, признаки не структурированы. Следовательно, понятие запрещенности и состав преступления соотносятся как совокупность существенных признаков преступления и структура этих самых признаков. В этой части, еще раз подчеркнем, мы полностью разделяем мнение В.Н. Кудрявцева, писавшего, что «в составе преступления признаки перечислены в некоторой жесткой последовательности, они сгруппированы, привязаны к определенным элементам состава преступления, а для понятия пре-

ступления это отнюдь не характерно»²⁰. Но после изложенного выше ясно, что это, по нашему убеждению, *дополнительный*, а не главный критерий разграничения преступления и его состава.

Итак, понятие состава преступления обозначает иную реальность (иной предмет), нежели понятие этого преступления. Состав преступления олицетворяет набор признаков, характеризующих деяние как запрещенное, предусмотренное законом в качестве определенного преступления. И обнаружение соответствия между составом и признаками конкретного деяния позволяет лишь утверждать, например, применительно к квалифицированному групповому убийству: «Да, это деяние *предусмотрено* уголовным законом – пунктом «ж» ч. 2 ст. 105 УК». То есть делается вывод о том, что деяние *подпадает* под ч. 2 ст. 105 УК (п. «ж»), и не более. Для признания этого убийства преступлением необходимо выявить его общественную опасность (после обнаружения состава она презюмируется, но при возникновении сомнений в ее наличии – специально проверяется и устанавливается). И когда это будет сделано, только тогда будет правомерен вывод о том, что содеянное является *преступлением*, а не просто деянием, запрещенным уголовным законом.

Иллюстрацией к изложенному является дело Зубкова, который нашел один патрон калибра 7,62 x 39 мм (боеприпас к нарезному охотничьему огнестрельному оружию), принес его домой и незаконно хранил в квартире. Указанный патрон был обнаружен и изъят у него во время обыска. Поскольку совершенно очевидно, что деяние Зубкова полностью соответствует составу преступления, предусмотренному ч. 1 ст. 222 УК РФ, он был осужден. Однако в ходе надзорного рассмотрения дела Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РФ, не оспаривая вывод о наличии в содеянном всех признаков ч. 1 ст. 222 УК (т.е. состава преступления), указала на отсутствие в содеянном общественной опасности и дело прекратила: «Суд не дал оценки тому обстоятельству, что Зубков С.В. никакого оружия не имел, приобрел (нашел) патрон случайно и при этом не придавал никакого значения его нахождению (хранению) в своей квартире. Кроме того, суд в приговоре не привел данных, свидетельствующих о том, что Зубков С.В. своими действиями причинил вред или создал угрозу причинения вреда личности, обществу или государству»²¹.

В приведенном примере хорошо видно, что нижестоящие суды свели понятие преступления лишь к формальному его признаку, т.е. составу преступления. Действительно, состав преступления, предусмотренный ч. 1 ст. 222 УК, был налицо. В то же время имелись обстоятельства, которые указывали на отсутствие в содеянном общественной опасности и требовали надлежащей

²⁰ Кудрявцев В.Н. Общая теория квалификации преступлений. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2001. С. 59.

²¹ Определение Верховного Суда РФ от 10.02.2011 г. № 55-Д10-23 // СПС «КонсультантПлюс».

оценки в рамках ч. 2 ст. 14 УК. То есть судами (а до них следователем и прокурором) была допущена характерная на сегодняшний день ошибка, состоящая в отождествлении преступления и его состава: «если есть состав, значит, есть и преступление». Но, как уже отмечалось, установление состава доказывает лишь наличие запрещенности, но не общественной опасности, лежащей за рамками состава. Если состав преступления дислоцируется в уголовном законе, то «средой обитания» общественной опасности является реальная действительность.

Сделанный вывод – о нахождении общественной опасности за рамками состава преступления – приводит к выводу о несовершенстве ст. 8 УК. В сегодняшней редакции данная статья основанием уголовной ответственности признает совершение деяния, содержащего все признаки состава преступления, предусмотренного УК. Но после изложенного ясно, что точнее основанием уголовной ответственности считать совершение не просто деяния, содержащего состав, а совершение *общественно опасного* деяния. Кроме того, пользуясь случаем, выскажем еще одну претензию к ст. 8 УК: состав якобы содержится в деянии, т.е. в содеянном. Но, представляется, что это явная неточность, поскольку состав преступления содержится в уголовном законе, ибо предусмотрен им. Поэтому, в действительности, признаки конкретного преступления лишь *соответствуют* признакам состава преступления. Например, признак кражи в особо крупном размере (ч. 4 ст. 158 УК) имеет широту выраженности от 1 млн руб. до бесконечности. Конкретная же кража в особо крупном размере (совершенная Ивановым, Петровым и т.д.) по этому признаку также всегда конкретна – 1 млн 357 тыс. 20 коп., 2 млн 452 тыс. руб. и т.д. Ясно, что в этой конкретной краже не может содержаться признак состава «от 1 млн руб. и выше» – *он шире признака конкретного преступления*. Признак конкретного преступления соотносится с признаком состава, как единичный предмет с классом предметов. Последний, как более общий, всегда шире по содержанию. Поэтому точнее говорить о *соответствии признака конкретного преступления (содеянного) признаку состава или составу преступления*.

Фактически мы становимся на позицию В.Н. Кудрявцева относительно задачи, решаемой в ходе квалификации преступления, – это «установление и юридическое закрепление точного *соответствия* между признаками совершенного деяния и признаками состава преступления, предусмотренного уголовно-правовой нормой»²² (курсив наш. – А.И.). К такому же обоснованному,

²² Кудрявцев В.Н. Общая теория квалификации преступлений. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2001. С. 5. Позиция В.Н. Кудрявцева разделяется многими криминалистами. О.Ф. Шишов, например, пишет, что для привлечения лица к уголовной ответственности «необходимо, чтобы признаки деяния находились в точном соответствии с описанными в статьях Особенной и Общей частей уголовного законодательства признаками конкретных преступлений» (см.: Уголовное право России. Общая часть: учебник. 2-е изд., испр. и доп. / под ред. В.П. Ревина. М., 2009. С. 154).

на наш взгляд, выводу о том, что в речь (в понятии квалификации, ст. 8 УК и т.д.) должна идти о *соответствии* признаков конкретного общественно опасного деяния «их описанию в УК» пришел и И.Я. Гонтарь²³ (позиция которого неприемлема, на наш взгляд, лишь в части трактовки им состава как *описания* деяния в законе).

Правда, исследователями учения о квалификации предлагаются и иные решения данного вопроса. Так, Е.В. Благов не согласен с формулой «соответствие деяния составу» и результатом квалификации считает решение «о предусмотренности (или непредусмотренности) выявленного деяния составу определенного преступления»²⁴. «Признаки состава преступления, – отмечает он в другой работе, – могут исключительно предусматривать (отражать, определять, описывать) соответствующее деяние»²⁵. И все-таки вариант В.Н. Кудрявцева представляется более удачным. Конкретное преступление предусмотрено не составом, а уголовным законом, этот состав со всеми его признаками описываемым. К тому же автор приведенной позиции сам неоднократно использует формулировку «деяние соответствует составу преступления»²⁶, фактически признавая ее право на существование.

Можно, конечно, воспринимать отмеченный недостаток ст. 8 УК как условность, «штамп» и не обращать на него внимания. В уголовном законе вообще достаточно условных выражений. Но, думается, это не то случай. Статья 8 УК относится к фундаментальным положениям уголовного закона, входит в главу об уголовно-правовых принципах и на этом основании по праву причисляется к системообразующим нормативным предписаниям Общей части УК²⁷. Здесь вдвойне, тройне и т.д. (в сравнении с иными фрагментами закона) важна точность формулировок. Фраза же «деяния, содержащего все признаки состава» в ст. 8 УК дает повод для всевозможных спекуляций о составе преступления: будто бы «состав содержится в реальной действительности, а не в уголовном законе», и т.п.

Все это приводит к выводу о необходимости изложения ст. 8 УК в новой редакции. Предлагаем следующий ее вариант: **«Основанием уголовной ответственности является совершение общественно опасного деяния, при-**

²³ Гонтарь И.Я. Преступление и состав преступления как явления и понятия в уголовном праве (логико-методологические аспекты): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Владивосток, 1997. С. 8.

²⁴ Благов Е.В. Применение уголовного права (теория и практика). СПб., 2004. С. 98.

²⁵ Благов Е.В. Актуальные проблемы уголовного права (Общая часть): учеб. пособие. Ярославль, 2008. С. 31.

²⁶ Благов Е.В. Применение уголовного права (теория и практика). СПб., 2004. С. 146 и др.

²⁷ См.: Коняхин В.П. Теоретические основы построения Общей части российского уголовного права / предисл. А.В. Наумова. СПб., 2002. С. 191.

знаки которого соответствуют составу преступления, предусмотренному настоящим Кодексом». Данное видоизменение ст. 8 предполагает соответствующую модификацию ряда иных предписаний УК, в которых упоминается состав преступления (ч. 1 ст. 29, ч. 3 ст. 31 и др.).

В плане квалификации и уголовного процесса следует еще раз подчеркнуть, что установление соответствия между содеянным и составом преступления является основанием для презюмирования общественной опасности содеянного. Бремя доказывания общественной опасности деяния, которое предусмотрено УК, лежит, естественно, на стороне обвинения. Но нами не случайно упомянут прием презюмирования. Презумпции позволяют правильно распределить бремя доказывания. Если в содеянном есть признаки состава преступления, то, не снимая с себя бремени доказывания, сторона обвинения имеет право, на наш взгляд, предположить ее наличие. Лишь появление в конкретном уголовном деле доказательств ее возможного отсутствия либо сомнений в ее наличии (отсутствие вредных последствий, «благие намерения» субъекта и т.д.) должно служить достаточным основанием для полноценной работы органа предварительного расследования, прокурора или суда над проверкой общественной опасности.

Материал поступил в редакцию 6 апреля 2012 года.